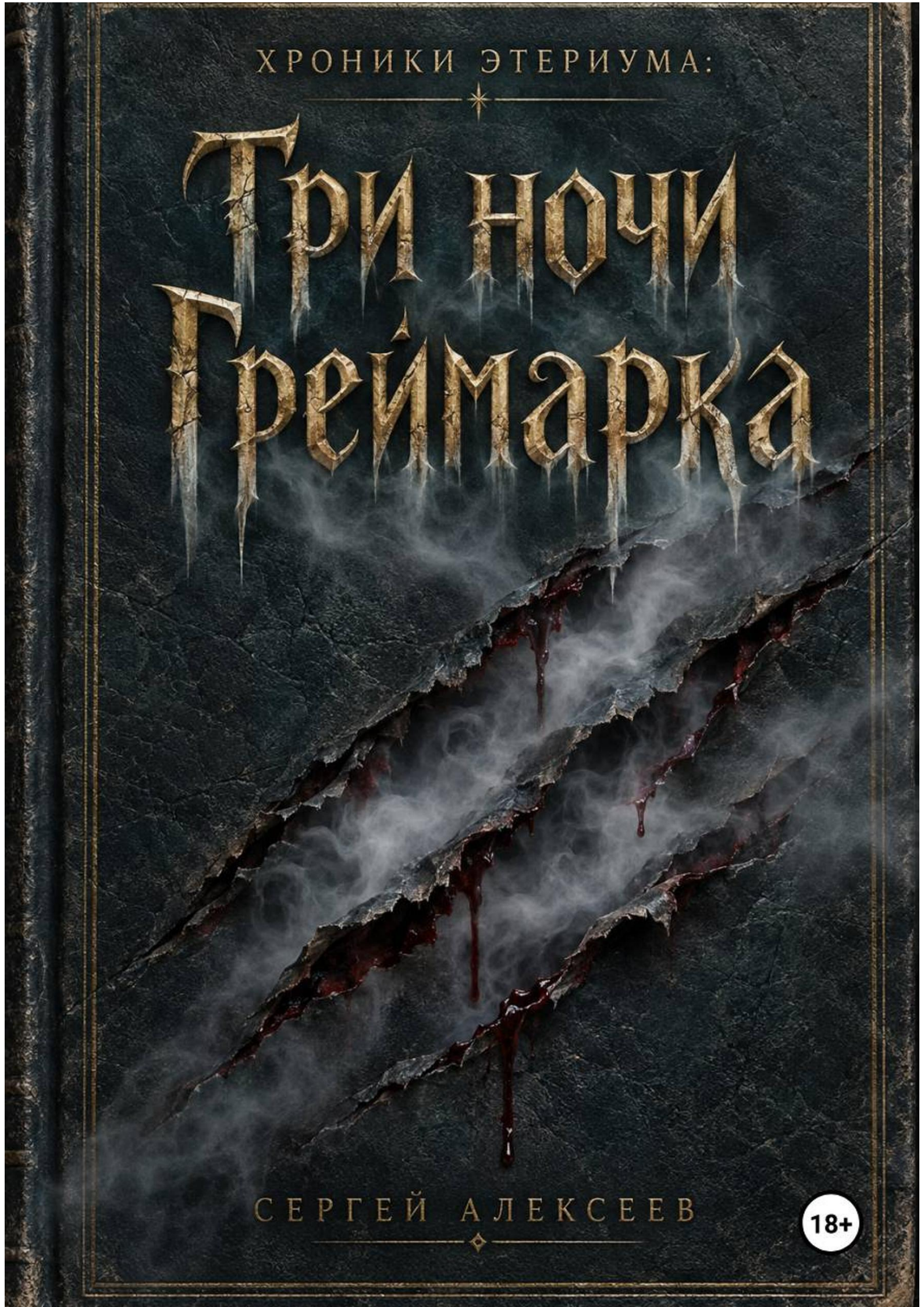
ХРОНИКИ ЭТЕРИУМА:
Три ночи Греймарка
СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ
18+

Сергей Алексеев

Хроники Этериума: Три ночи Греймарка

«Автор»
2026

Алексеев С.

Хроники Этериума: Три ночи Греймарка / С. Алексеев — «Автор», 2026

От обязательного заказа гильдии «Феникс» не сбежать: метка на запястье не простит измены. Наёмник Эдвин Холден возвращается в Греймарк — туманный город в ущелье, откуда его когда-то изгнали.Заказчик, скрывающий проклятую кровь, даёт ровно три ночи до Межкружья. Под Старым Мостом проснулось дикое логово, с гор пропал волчий разведчик, а в запертом архиве без следа погиб казначей. Кто-то стравливает древних врагов.По пятам идёт столичный дознаватель Арклайта, а укушенному в переулке парню осталось семьдесят два часа. Чей старый счёт закроется в полночь?Самостоятельная книга цикла «Хроники Этериума». История полностью завершена.

© Алексеев С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Отмеченная дверь 5
Глава 2. Выскобленный порог 9
Глава 3. Семьдесят два часа 13
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Хроники Этериума: Три ночи Греймарка

Глава 1. Отмеченная дверь

Перекошенная дубовая створка поддалась под плечом со щелчком, и Эдвин вышел из покоев гильдии прямо под ветер. Щеколда хлопнула за спиной. С виду тут стояла обычная брошенная мельница у Старого Карьера — без крыльев, с проломленной балкой под коньком, где сквозь щели свободно гулял ветер с поля. Лишь под отслоившейся щепой косяка белела тонкая резьба «Феникса». Чужой пройдёт мимо и не заметит, зато под пальцами носителя контракта гнилые доски открывают ход в тихие покои гильдии.

Под навесом зашевелил ушами гнедой мерин. Эдвин отвязал повод и туго перетянул плащ ремнём. Кинжал со Средней руной Воздуха лёг к бедру без звона, потому что клинок он вычистил и смазал ещё в покоях. Левую кисть обтягивала жёсткая перчатка с вшитой пластиной сплава подземников, добытая год назад за старый долг у Железной Заставы. А на внутренней стороне правого запястья под манжетой потягивало холодом. До города оставалось два добрых часа по мёрзлой колее.

Сумерки двадцать седьмого грудня придавили скалы к земле. Мерин фыркнул и пошёл рысью на запад, к ущелью, за которым дышал Океан Туманов. Через два часа дорога нырнула между отвесных стен, и в лицо ударил солёный порыв. В Греймарке ветер всегда тянет снизу вверх, выдувая со дна стылую взвесь, а вместо снега на ресницы и виски под капюшоном ложится ледяная морось, от которой быстро немеют щёки.

Впереди выросли три яруса города, вбитые в чёрный камень. От нижних причалов к верхним аркам тянулись крытые переходы и цепи грузовых подъёмников, скрипевшие даже в затишье. Над ущельем поднимался шпиль Башни Сквозняков — собора Винда, покровителя архивов и западных ветров. Сверху ударил вечерний колокол, и гул покатился вниз, запутываясь в фонарных цепях.

У заставы пылали жаровни. Мерин замедлил ход перед полосатым шлагбаумом. Из-под навеса выкатилась косматая горная псина размером с телёнка, уставилась белёсыми глазами всаднику в грудь и припала к камню с глухим рычанием, почуяв мёртвый сплав и рунную сталь.

— Цыц, Хват, — прикрикнул из будки привратник и вышел с фонарём к стремени. — Куда на ночь глядя? Подорожная чья?

Свет резанул по глазам, выхватив под скулой Эдвина белую нитку шрама. Стражник задержался взглядом на рубце, потом опустил глаза к перевязи и невольно отступил на шаг.

— Проезжий я, почтенный, — Эдвин распахнул плащ, показывая простую пряжку без герба и звезды Арклайта. — Иду на Верхний ярус по переплётному делу, бумага ждёт к утру. Держи въездную.

Он отсчитал два медяка, заодно прикинув на ощупь остаток в кошеле, где лежало четыре золотых, одиннадцать серебряных и тридцать три медные монеты. Деньги звякнули в кулаке привратника. Гончая всё не сводила глаз с перчатки, пока хозяин не щёлкнул пальцами. Тогда она угрюмо отползла к будке и легла на порог, не разжимая челюстей.

— Зовут как? — буркнул стражник, гремя засовом. — Я Борек, раз уж сам вежливый. Как писать?

— Холден. Эдвин Холден.

— Помни, переплётчик, после десятого часа по верхам без дела не шастают, — крикнул вдогонку Борек, задвигая брус. — Дозоры нынче злые, из столицы прислали проверщиков. Ночуй, где сел, не то заберут до рассвета.

Эдвин махнул через плечо. Улица полезла вверх серпантинами и крытыми лестницами. У Нижнего яруса он свернул во двор «Подковы» и стукнул в ставню конюшни. Высунулся заспанный парень с фонарём, зевнул и почесал затылок.

— Места едва хватает, хозяин, — проворчал конюх Йенс, оглядывая коня. — К Межкружью обозы набились, сено на вес серебра пошло.

— Овса не прошу, только стойло и охапку сена, — Эдвин ссадил седло ему на руки и забрал свинцовую бирку. — Рассчитаюсь на выезде. Попону набрось, от реки тянет морозом.

Перекинув мешок через плечо, он на ходу проверил пояс. Кисет с пеплом, оптическая призма, три ампулы дыма, пара флаконов прижигающей мази и гранёный пузырёк тёмного кварца с боевым тоником гильдии были на месте. Дальше он пошёл пешком, беря по две ступени разом. Хотя шесть лет назад его выставили отсюда силой, город ничуть не изменился. Всё тот же сырой известняк под солёным морским ветром и редкие патрули в синих кафтанах.

На втором переходе мимо с лязгом поползла вверх грузовая клеть с бочками угля. Эдвин вжался под козырёк и переждал, пока двое стражников с алебардами скроются за аркой.

Когда-то он сам носил здесь ученический кафтан в Башне Сквозняков, пока дуэль на карнизе не вышвырнула его прочь с рассечённой щекой и пустым кошельком. К особняку Северина Касталя он добрался к десятому часу, когда над ущельем уже перекликались ночные караулы. Дом замыкал верхний тупик глухой кладкой без герба, с завинченными ставнями. Эдвин высмотрел карниз на случай спешного ухода, взялся за кольцо и дважды ударил по железу.

* * *

Дверь отворилась бесшумно, будто петли смазали перед самым его приходом. В сенях не горело ни одной жаровни, только из кабинета в глубине тянулась полоса воскового света. Молчаливый лакей принял плащ, указал на порог и скрылся под лестницей, даже не спросив имени.

В кабинете стояла стылость, от которой немели пальцы, хотя в добротном камине горкой лежала чистая берёза. Эдвин вошёл и быстро оглядел стены. Высокие окна затянуты ставнями на железных болтах, из-под рам не дует, зато из-за боковой двери за книжным шкафом подтягивало сквозняком, и наверняка там прятался спуск в дренаж или во двор.

За столом под зелёным сукном сидел хозяин. С виду лет сорока, спина прямая, к спинке кресла он не прислонялся. Зачёсанные тёмные волосы рассекала ровная седая прядь над виском. Старомодный сюртук с воротником под горло сидел строго, как шили полвека назад, а по чёрному жилету вилась тонкая серебряная цепочка. Его бледные пальцы покоились на сукне, как у счетовода после закрытия книги.

Перед стулом гостя стоял бокал с вином, перед хозяином лежала папка без герба.

— Прошу садиться, господин Холден, — заговорил Северин Касталь, не повышая голоса. — Дорога через перевал нынче злая. Вы прибыли раньше срока, гильдия не зря бережёт вашу ставку.

Не снимая перчаток, Эдвин отодвинул стул, сел на край, чтобы колени не упирались в стол, и сдвинул кисть ближе к рукояти. От его собственного дыхания плыл белёсый парок, а губы Касталя смыкались без пара, грудь едва колыхалась, и светло-серые глаза не моргали дольше, чем выдерживает живой человек при свече. И всё же от него не несло могильной прелью, какая бьёт от подвальной нежити.

Высший, причём давно на голодном пайке. По заострившимся скулам и тишине отклика угадывалось, что живой крови он не пробовал много лет.

— Вино налили, а сами не пьёте, — заметил Эдвин. — Бережёте желудок или не хотите пугать гостя?

— Я не касаюсь вина при посторонних, господин Холден, — Касталь не пошевелился. — И пугать вас мне незачем. В справке значится, что вы умеете считать чужие шаги и держать язык за зубами. За этим я и обратился в «Феникс», а не к городской страже.

— Справка дорого стоит. Любопытно, почему вы не позвали белых рыцарей со звездой. Касса солидная, сорок должников на крючке, вот за них и трясётесь.

Он потёр большим пальцем железный край пластины, прикидывая риск. На таких тихих заказах шею сворачивают раньше, чем дойдёшь до трактира.

— Пусть так, — согласился хозяин. — Но заказ обязательный, и вы уже здесь. Слушайте условия.

— Называйте до запятой, без фокусов.

Касталь чуть склонил голову, оценивая его выдержку.

— Восемьдесят золотых на руки по закрытии дела. Свою долю залога гильдия уже приняла, а расчёт получите здесь, в Греймарке, или у заставы по завершении. Срок истекает с двенадцатым ударом колокола в Ночь Пяти Звёзд, на первый День Межкружья, когда закрывают годовые счета и векселя. Сегодня двадцать седьмое грудня, впереди чуть больше трёх суток.

— Аванс на расходы? — перебил Эдвин. — За свой счёт бегать не стану, здесь за похлёбку дерут втридорога.

— Дорогу и ставку гильдия уже закрыла. Сверх уговора пойдёт только тогда, когда закроете счёт до полуночи. Надо выжечь дикое гнездо низших тварей под мостами, вычислить и остановить того, кто пытается взорвать город к Межкружью, и ни единым словом не упоминать моё имя и мою природу ни совету, ни белым рыцарям со звездой.

Едва он умолк, внутреннюю сторону правого запястья Эдвина кольнула игла холода. Под кожей на миг отчётливо проступил тёмный контур птицы, сжался и поблёк. Раз ставка и крайний час названы вслух, сделка захлопнулась на замок. Сбежишь или выдашь заказчика — метка порвёт оболочку души, и сердце встанет посреди шага, а погибнет сам наниматель от чужой руки, контракт сгорит вместе с деньгами. Эдвин не моргнул, хотя под манжетой всё ещё держался ледяной холод.

— Выжечь гнездо, вскрыть заговор против Греймарка и прикрывать вам спину перед Арклайтом — всё за трое суток? За восемьдесят золотых? Хоть бы руну к задатку накинули. И чем, скажите на милость, не угодили маги из Башни Сквозняков, ведь за полцены любой подмастерье перерыл бы дренаж до дна?

— Местные школы не умеют молчать, господин Холден. Сегодня они поймают тварь у канала, завтра доложат советнику, которому я не должен ни медяка, или продадут новость по трактирам. А вы берётесь не за меня. Белые рыцари лечат нарыв топором. Если под мостами прольётся кровь или спустится кто-то с гор, они перевернут весь Верхний ярус до фундамента. Вы берётесь за то, чтобы через три ночи от ущелья уцелело хоть что-то, кроме пепла.

* * *

За ставнями выл ветер, вытягивая дым из соседних труб. Эдвин посмотрел на папку, потом на спокойное лицо Касталя, в котором читался один голый расчёт.

— Ладно. Метка вцепилась, торговаться поздно. Только за байки я работать не стану. Хотите, чтобы я вычистил ваши канавы за три ночи, выкладывайте без тумана всё, что накопали.

Касталь подвинул папку ближе и сложил руки на коленях.

— Мои люди держат глаза открытыми на Нижнем ярусе. В начале третьей декады сборщики уловили недобрую возню вокруг старых должников и чужой интерес к архивным делам, поэтому пять дней назад я оформил приоритетный заказ в вашей гильдии. А позавчера, в ночь на двадцать пятое, у третьих опор Старого Моста разом ударил дух диких тварей. Целого логова, не бродяги. Прежде подобной грязи в ущелье не водилось со времён Третьей Эпохи. Греймарк живёт торговлей, Холден. Всякий, кто сидит здесь по правилам, знает границу.

— Выходит, тишина держится на вашем молчании?

— Именно. Я не пробовал живой крови восемь лет и не даю повода звать сюда охотников из Астэриаля. Но к логову добавилось второе звено. На отрогах Ветрогорья, в пяти верстах к северу, зимует горная стая. Слыхали?

Оборотни. Любой мальчишка в Греймарке знал байки о волках с горных троп, хотя живьём их встречали единицы. В отличие от подвальной нечисти, родовая стая дерётся с расчётом, помнит клятву и ненавидит кровососов так, что снег под лапами дымится. Говорят, ими правит бывший охотник, который держит молодняк в узде, но если на Ветрогорье зажигают три костра, значит, волки собираются спускаться вниз.

— Слыхал. Что стряслось?

— Двадцать пятого у них сгинул разведчик. Спустился проверять соляные тропы и исчез, — Касталь чуть подался вперёд, но плечи его не дрогнули. — Если вожак решит, что парня загрызли мои сородичи, в ночь на первый День Межкружья волки спустятся в город. Резня пойдёт по всем ярусам. Стража не удержит, а к утру из Цитадели выйдут Рыцари Арклайта и выжгут всех подряд. Включая моих должников. Включая меня. И вас, Холден, коли попадётесь с меткой на запястье.

Эдвин откинул полу плаща, коснулся ножен. Дикое гнездо, пропавший волк и чья-то рука, что тащит огонь к сухому хворосту прямо перед Межкружьем. Кому-то до зарезу нужен пожар по всему ущелью, чтобы спрятать под дым своё дело.

— Кто ещё крутится рядом? Не поверю, что ваши люди больше ничего не высмотрели. И куда глядит стража?

— Стража глядит туда, куда покажет серебро, — Касталь достал из кармана сложенный вчетверо листок и положил на сукно. — Прошлой ночью, двадцать шестого грудня, в запертой «тихой комнате» Архивного Дома Вандерсов нашли мёртвым казначея Ансельма Дюпре. Засов задвинут изнутри, окон нет, крови ни капли. Городской лекарь списал всё на удар сердца, писец сунул десятнику кошель, и дело закрыли до рассвета.

— Боялись, что кто-нибудь заглянет в бумаги раньше, чем заколотят гроб?

— Слишком торопились. Я проезжал мимо их двора в закрытой карете около полуночи, когда через толстую каменную кладку потянуло ледяным, тонко вырезанным плетением, какого не плетут ни в западных школах, ни в Астэриале. Башня Сквозняков так не умеет, уличные наёмники тем более. Кучер клялся, что над аркой двора кто-то прошёл бесшумно, не сдвинув ни черепицы, хотя ветер в тот час рвал вывески с крючьев.

— А сам Дюпре что хранил в той комнате? Казначеи не сидят в каменных мешках без окон ради одних расходных книг.

— Вот это и выясните. Загляните туда, прежде чем стража вымоет порог.

Эдвин взял записку, пробежал мелкую строчку без печати и сунул её за обшлаг. Архивный Дом Вандерсов стоял в двух кварталах от Башни Сквозняков, за глухой оградой, куда даже стража ходила только по вызову.

— Значит, дорога мне в архив, — он поднялся, затягивая ремень. — Сколько накинете за живого свидетеля, если попадётся раньше ваших сборщиков?

Касталь ответил не сразу. Он поднял взгляд и задержался на шраме под скулой гостя.

— Свидетелей держите подальше от площади, Холден. Нам не нужны ни допросы в ратуше, ни чужие уши. А если пойдёте туда этой ночью, глядите под ноги и по карнизам.

— Боитесь архивариусов?

— Боюсь столичного законника, — Касталь тоже встал, тонкий в свете свечи, как тень от шкафа. — Вчера в Греймарк прибыл дознаватель Разведки Арклайта из Астэриаля, с ним придан отряд белых плащей. Третий ранг, упрямый до крайности. Он уже обнюхивает тот же порог. Не попадитесь ему на глаза до рассвета.

Глава 2. Выскобленный порог

Солёная морось тянула снизу вверх, и пальцы стыли даже сквозь шерсть. Эдвин присел за кирпичной трубой третьего дома от угла, сдёрнул перчатку и поднял мокрый палец в просвет между коньками. Холодок резанул от реки, затем качнулся к ограде Архивного Дома Вандерсов. Ветер наверху крутил вихрями и путал звуки, но после двух зим в Башне Сквозняков этот вихрь заменял карту.

Он натянул перчатку и перешагнул скат. Подошвы, ещё перед выездом натёртые смолой с воском, держали наклон крепко. Внизу простучали подковы. Двое стражников с алебардами задержались под козырьком, поспорили о смене, грея руки над фонарём, и ушли вниз.

Под каблуком скрипнул сланец и поехал к краю. Эдвин присел и хлопнул перед собой, и встречный порыв прижал обломок обратно. Камень замер. Переждав эхо, он шагнул на твёрдое.

Сверху караул читался насквозь. После смерти казначея хозяин удвоил стражу у ворот и расставил жаровни вдоль решётки, но задрать голову под конёк так и не догадался. Эдвин отпустил жёлоб и пошёл по карнизу к архиву над бездной в двенадцать саженей. Он стиснул пальцы, пуская вокруг сапог формулу ветра, и шаги пропали, так что пройди хоть в трёх шагах за сторожем, ничего не услышит.

Шесть лет назад на таком же скользком сланце за Башней Сквозняков он сошёлся на клинках с сынком архивного советника. Тот струсил, ударил запретным порывом сбоку и рассёк ему скулу, а виноватым наставники выставили безродного стипендиата и вписали изгнание в башенную книгу. Позже «Феникс» подобрал злого парня и научил брать замки без шума. Злоба перегорела давно, но глядеть на эти крыши сверху всё ещё было сладко.

Во дворе звякнула калитка. Ночной сторож вышел с фонарём осмотреть запоры, харкнул в канаву и повернул обратно под навес, гремя ключами. Эдвин перемахнул парапет и соскользнул на галерею третьего пролёта.

Дом Вандерсов поднимался в три яруса со стрельчатыми проёмами наверху и кованой защитой внизу. Третьему этажу решёток не ставили, надеясь на отвесную стену. Он спустился по водостоку и подтянулся к нише. За стёклами плыли тучи да плясали внизу блики жаровни.

Замок на раме стоял дедовский, с двойной сувальдой. Из чехла скользнули два щупа. Эдвин нащупал язычок через щель, в три поворота отжал крючок и потянул створку на себя. Петли промолчали. В лицо дохнуло овчиной и воском. Он притворил раму почти до упора и мягко спрыгнул на плиты, прислушиваясь к тишине.

Над головой темнели стропила. Вдоль стены тянулись шкафы под медными табличками: «Векселя», «Закладные», «Судовые описи», «Старые хартии». Возле канцелярии стыли две капли свечного сала, каких от сторожа с масляным фонарём не капнет. Рядом белела смазанная к лестнице полоса от каблука. Кто-то уже ходил здесь ночью со свечой, торопился, но сдерживал шаг. Слева, этажом ниже, тлела жаровня, откуда доносилось сонное покашливание и скрип табурета. А справа, в глубине каменного мешка без окон, пряталась «тихая комната», куда пускали лишь старших архивариусов и казначея.

Поправив перевязь, он двинулся направо. Глушение шагов подъедало запас, поэтому формула держалась только на подошвах, не задевая слуха. У поворота стоял сундук с мешками угля и сшивками, и Эдвин обогнул его вплотную к стене. Возле обитой железом двери он прислонил пальцы к камню и потянул носом. Тёплая тяга поднималась от отдушины под потолком, а вторая, острая как шило, пробивалась из-под порога. В каморке без окон и печи такому сквозняку взяться неоткуда, если охранную печать не сорвали меньше суток назад.

Бумажная лента стражи с сургучом на косяке висела криво, словно её уже надрывали и прижимали обратно, а на медной проушине блестела свежая царапина от отмычки. Значит, сюда уже заходили после лекаря, либо хозяева, либо дознаватель из Астэриаля. Он тро-

нул щупом скобу. Замок даже не защёлкнули, просто накинули дужку для вида. Он потянул створку и вошёл.

* * *

Внутри застоялась слежалая пыль, какая копится в кладовой, куда солнце не заглядывало сотню лет. Эдвин прикрыл дверь до щёлки, вынул фонарик со сдвижной заслонкой и пустил огонь тонкой ниткой.

Луч упёрся в порог и лёг на стол. Ни крови, ни следов борьбы. На зелёном сукне раскрыта приходная книга с пустой строкой внизу, где последняя запись оборвалась двадцать пятого грудня. Чернильница закрыта, перо не тронуто, ящики заперты на ключ, так что убийца даже не рылся в казне. Стул аккуратно придвинут к столу, и Ансельм Дюпре явно не ждал беды, сам поднялся навстречу гостю и рухнул, не дойдя до порога.

Он наклонился и пощупал сукно, но не нашёл ни копоти, ни запаха удушливых солей. Лекарь либо промолчал за серебро, либо сам не понял, что выключило сердце старика без единого синяка.

Купленным бумагам он не верил, поэтому опустился на колено, сыпанул щепоть пепла из кисета и дунул вдоль плит.

Пыль не сдуло. Крупинки легли матовой каймой, открыв выскобленную до блеска плешь. Ни голубого отлива, ни жёлтой паутинки ветра, отклик вытерли до ноля. Он достал призму и припал глазом к окуляру, ловя краем стекла боковой луч.

Сквозь линзу проступило то, чего глазом не различить. Края пустого пятна не расплывались, как бывает, когда маг второпях выжигает следы огнём или смывает их водой, а тянулись сдвоенной, бритвенно-тонкой кромкой, прорезанной чисто, как резцом по линейке. По истончённой кайме легко угадывалась давность, формула сработала сутки назад, в час гибели Дюпре. В Астэриале режут грубее, в Греймарке рвут воздух порывами, а так чисто выскребают отклик лишь в Авалии, где плетения чертят, как каменные своды.

Он убрал призму и обошёл плешь. На плитах не нашлось ни следа, ни комка глины, под столом пусто, на полках стояли нетронутые описи. Тогда он развернулся и осветил внутреннюю сторону двери, и заслонка мигом сдвинулась шире.

Толстый стальной засов обязан был блестеть смазкой, раз его задвигали на ночь, однако вместо чистой стали к скобе прикипел бугристый нарост рыжей, трухлявой ржавчины, какая нарастает на железе за сорок зим в солёном болоте, а медные шляпки гвоздей вокруг покрылись едкой зеленью. Он дёрнул кольцо, и с металла без звука посыпались хлопья, пачкая кожу. Ветшало всё незаговорённое, железо крошилось до сердцевины, да и медь гнила на глазах.

За ножкой стола блеснула латунь. Он присел и поднял стражнический кортик, который кто-то обронил утром при вскрытии. Клинок от гарды до середины покрылся рыжей чешуёй и крошился от нажатия ногтем. Под воротником неприятно закололо. Бабки на западных рынках пугали должников байками о «Том, при ком ветшает» и о клятве, от которой прямо на поясе гниют ремни. Красивые сказки, только в гильдии ими не платят, а ржавчина здесь настоящая.

Он отломил от засова крохкий кусочек с мизинец, туго завернул его в чистую тряпицу и сунул за пояс. Пальцы испачкались горькой пылью, и он вытер её о подкладку.

Ждал ещё угол за шкафом, куда не заглядывает торопливый дозор. Под решёткой стояла медная жаровня для сургуча, полная остывшей золы. Он разгрёб пепел щупом и вытянул из самого низа обгоревший лоскут квитанции. Половина листа обратилась в чёрную труху, но угол с печатью при свете читался ясно: «Нижние опоры, шлюз третий. Четыре короба извести, Соляной Мыс, ночь на двадцать пятое грудня», а ниже остался угловатый росчерк артельщика с началом имени «Кор…».

Четыре короба с Соляного Мыса и третий шлюз в ночь на двадцать пятое, когда на горных тропах сгинул разведчик оборотней. Зачем артельной расписке за водный шлюз гореть в жаровне казначея, в запертой комнате наверху? И почему пришедший мастер так бережно

выскоблил свой след, но даже не заглянул в золу под шкафом? Он спрятал обгоревший лоскут рядом со свёртком и притушил фонарик почти до нитки.

Сквозь толщу стен донёсся медный бой Башни Сквозняков, отбивший двенадцать полуночных ударов.

А следом в конце коридора щёлкнул замок, и по плитам застучали быстрые твёрдые шаги. Сторож с ключами так не ходит. Кто-то отпер входную дверь ярусом ниже своим ключом и поднимался с оружием без оклика.

* * *

Заслонка щёлкнула, обрубив свет. Эдвин скользнул за шкаф и выхватил кинжал.

Дверь распахнулась от удара сапогом. В проёме вырос худощавый офицер в тёмно-синем дорожном кафтане Разведки с серебряной четырёхконечной звездой, а за его спиной ввалились двое рослых рыцарей Арклайта в белых плащах, с пиками и поднятыми фонарями.

— Стоять! — звонко бросил офицер, вырывая меч из ножен. — Руки на свет, сталь на пол!

Клинок вспыхнул голубой силовой дугой, выхватив острые черты и стриженные ёжиком тёмные волосы. Дознаватель из Астэриаля, о котором предупреждал Касталь. Он скользнул взглядом по рассыпанному пеплу, по выскобленной плеши и поправил серебряную застёжку у ключицы.

— Кто учил уличного вора снимать следы так чисто? — спросил он, перекрывая выход плечами. — Протокол прост. Проникновение на место смерти должностного лица, запретное затирание отклика и бегство от дозора. Я Юлиан Савелли, дознаватель Арклайта. Сложи оружие, или я закрою порог силой.

Болтать с третьим рангом значило только терять время, а пробивать силовую дугу в лоб Эдвин не собирался, ведь его ветер против столичного меча сгодится на один рывок, и запас сядет к нулю. Савелли двинулся вперёд, вскинул руку, сплетая запирающий контур на косяке, и велел приданным рыцарям:

— Арден, держи коридор! Луций, бери слева!

Старший из белых плащей скривил губу, явно недовольный тем, что им командует дознаватель Разведки, но мандат не оспорил и шагнул к двери.

— Ваш протокол, господин дознаватель, забыл спросить про ржавчину на засове, — отозвался Эдвин и ударил первым.

Он дёрнул клинком вбок, вынуждая Савелли прикрыться, другой рукой сорвал с пояса первую ампулу дыма-гасителя и швырнул ему под сапоги. Развернул запястье и хлестнул ветром прямо в лицо.

Вдох у Савелли сбился. Недоплетённый контур рассыпался искрами, дуга на клинке мигнула. Хрустнуло стекло. По комнате повалил густой дым с едким духом соляного пепла, оба фонаря погасли в вязкой мути, и чужие формулы поплыли. Дознаватель закашлялся, заслоняя глаза рукавом.

— Держать порог, Луций! — рявкнул он, рубя наугад.

Сталь свистнула у плеча. Эдвин нырнул под его руку и крутнул кинжалом в сторону, отводя выпад. Луций загородил проход пикой, но Эдвин перехватил древко перчаткой с подземной вставкой. Сплав высек искры о рунную оковку и увёл остриё в шкаф. Пинок в бок свалил бойца на плиты.

Второй стражник потянулся к мечу, но поскользнулся на рассыпанной золе. Эдвин пнул ему под ноги тяжёлую табуретку и вылетел в коридор.

Позади захрипели, зазвенела сталь, потом резанул яростный крик Савелли:

— Тревога на галерее! Перекрыть лестницу, стрелять без предупреждения!

Запас после порыва просел наполовину, но ноги несли без промаха. Эдвин пролетел мимо шкафов, перемахнул опрокинутую скамью и выскочил к окну. Из-за угла уже выбежал

дежурный караульный, срывая с плеча арбалет. Тормозить поздно. Эдвин влетел в створку плечом, вышиб раму вместе со шпингалетом и выпрыгнул в ночь под звон сорванной тетивы.

Снизу ударил солёный ветер. Из проёма сверху уже полоснул свет, и раздумывать было некогда. В шаге качалась цепь уличного фонаря. Он ухватился за ледяные звенья обеими руками и заскользил вниз, в белую мглу, чувствуя, как промороженное железо жжёт пальцы даже сквозь плотную кожу.

Наверху щёлкнула тетива. Один болт высек искру из кладки у виска, второй просвистел мимо капюшона и впился в ставню этажом ниже. До конька пристройки тянулось ещё сажени три. Он разжал пальцы, ударился плечом о гонт, перекатился через гребень и съехал по жёлобу в переулок под уклон к Старому Мосту. Двадцать шагов под арками, крутой поворот за угол, и огни погони застряли наверху, у самого Венца.

Он прислонился к столбу под боковой аркой, глотая стылый воздух. Сердце колотилось о рёбра, во рту стояла соль. За пазухой лежали ржавый обломок и квитанция шлюза, из трёх ампул уцелели две.

Внизу, в тридцати шагах по ступеням, где туман сливался с водой канала, ночь порвал отчаянный женский крик. Следом снизу долетел такой звериный, захлёбывающийся хрип, что у Эдвина заныли зубы, а рука сама выдернула кинжал из ножен.

Глава 3. Семьдесят два часа

— Тео, за спину! Не смотри на него, беги к фонарю!

Крик резанул туман снизу. Эдвин сорвался по ступеням, перепрыгивая пролёты. Навстречу из белой мути метнулась длинная угловатая тень в грязном тряпье, неся за собой дух морской соли и протухшей крови.

Под тусклым фонарём у опоры жался долговязый парень с обломком дубовой рейки. За его плечом девушка упёрлась спиной в осклизлую стену и вскинула переплётный нож. Тварь прыгнула без рыка, низко и бесшумно, как одичавшая борзая. Парень бросился вперёд, отбивая её рейкой. Деревяшка хрустнула о плечо кровососа, а тот сомкнул зубы прямо на его предплечье сквозь шерстяной рукав. Парень вскрикнул, выдернул руку и отшатнулся, ударившись затылком о камень.

Эдвин вклинился с разбегу и рубанул тварь поперёк плеча. Воздушная руна взорвалась порывом и отшвырнула вампира к парапету, но порез на бледной коже затянулся прямо на лету. Тощий «низший» зашипел, вспрыгнул на обледенелый карниз и рухнул сверху быстрее арбалетного болта.

Когти сорвали капюшон и чиркнули у самого горла. Тварь метнулась мимо, к парню за спиной, но Эдвин перерезал ей путь и сбил замах плечом. Возиться с простой сталью бесполезно. Он провалился под удар, отбил вторую лапу предплечьем и врезал снизу вверх прямо в челюсть перчаткой со сплавом подземников. Металл вошёл в скулу со стуком.

Зашипело, как будто на раскалённую сковороду плеснули уксус. Кожа задымилась жёлтым. Тварь захрипела и отлетела к перилам, зажимая разбитую челюсть, а рана на щеке так и не затянулась, потому что сплав сбил заживление. Эдвин сорвал со скобы фонарь и грохнул его врагу под ноги.

Стекло брызнуло, масло залило лохмотья. Кровосос дёрнулся к воде, но Эдвин уже чиркнул огнивом и толкнул порыв ветра в пропитанный подол. Пламя взвилось сразу.

Огонь мигом охватил кожу и тряпки. Тварь взвизгнула так тонко, что заложило уши, и кинулась напролом к ступеням, но Эдвин встретил её пинком и сбросил за край площадки. Горящий ком кувыркнулся во мгле, выхватил сырую кладку и исчез над каналом. Внизу плеснуло. Он смёл сапогом осколки и окровавленную щепу за перила, чтобы дозор не разглядел схватки с первого взгляда.

Наверху у Башни Сквозняков пробил первый ночной час двадцать восьмого грудня. Вслед за звоном с Верхнего яруса долетел свисток стражи, где люди Савелли всё ещё прочёсывали кварталы за архивом.

Девушка бросилась к брату и упала рядом на колени. Парню было лет девятнадцать, ещё угловатый, в куртке не по росту. Он зажимал укушенное предплечье, откуда сквозь рваную шерсть сочилась кровь. Сестра была чуть старше, невысокая, с крепкими натруженными руками в пятнах красного сургуча.

— Тео, подними руку выше! — крикнула она, срывая шарф и туго перетягивая плечо, и тут же вскинула на Эдвина быстрый злой взгляд. — Кто такой? И что это вылезло из канала?

— Наёмник, — бросил он, вытирая клинок о плащ и слушая верхние пролёты. — Уходим, пока на гарь не сбежалась стража. Если рядом есть жильё с крепким запором, веди туда. Руку надо смотреть при огне, и немедля.

— Мастерская в двух кварталах за мыловарней, — она подхватила брата под мышку и кивнула на подворотню. — Идём дворами. Только не отставай, а то сразу закрою засов.

Тео мотнул головой, шагнул сам, но пошатнулся на наледи и упёрся в стену. Эдвин подхватил его за ремень с другого бока.

— Молчи и иди, — велел он вполголоса. — Кровь на плиты не роняй. Пустят гончую, она выведет прямо к вашему порогу.

Девушка одним рывком ножа отхватила полосу от нижней юбки и обмотала запястье брата. Они скользнули проулками, обогнули мясной ряд, где в корытах стыла вода, и перешли мосток над водостоком. У поворота, где под навесом тлела жаровня караульного, Эдвин дёрнул её за рукав, втянул обоих в тень прилавка и переждал, пока сторож не отвернулся к воротам. Потом они миновали двор суконщиков и нырнули в калитку на Среднем ярусе. Позади у Старого Моста уже замигали факелы, и по ущелью пронёсся второй свисток.

У двери дома девушка дважды крутанула ключ, впустила брата с Эдвином, ввалила брус на скобы и лишь тогда перевела дух, прислушиваясь к улице. Никто за ними не увязался, и до угла долетало только ворчание цепной собаки со двора красильни.

* * *

Мастерская в два окна выходила в колодец двора. Вдоль стен теснились полки с картоном и винтовыми прессами, посреди стоял верстак, заляпанный воском. В углу за шкафом темнел дубовый люк с железным кольцом, ведущий в подпол.

— Садись, — велела она, высекла огонь и зажгла две сальные свечи. Густая каштановая коса выбилась из-под платка, на переносице при свете выступили веснушки. — Руку на доску.

Тео опустился на табурет, стиснув зубы. Его трясло, хотя от остывшей печи ещё держалось тепло. Эдвин достал ножницы, одним ходом распорол пропитанный кровью рукав до плеча и откинул тряпку. От рваной шерсти резко ударило морской солью и илом, как от той твари в канале.

На предплечье темнел рваный полукруг укуса. Алая кровь уже встала, но от следа зубов вверх под кожей расползалась сетка чёрных жилок, добравшаяся до сгиба локтя. Мизинец у Тео мелко подёргивался сам, не слушаясь его.

Девушка достала холстину и кувшин, потом застыла, глядя на чёрные нити. Пальцы её не дрогнули, только рука сама поднялась к обшлагу, и она счистила ногтем несуществующую каплю сургуча с манжеты.

— Вода и соль не помогут, — Эдвин поставил на верстак один из двух флаконов с прижигающей мазью. — Отвернись, парень. Будет жечь.

Он выдернул пробку, зачерпнул состав костяной лопаткой и втёр в рану. По комнате поплыл дух серы и полыни. Тео застонал, вцепившись в край доски до треска ногтей. Мазь зашипела, поднялась пеной и опала. Эдвин поднёс свечу ближе и сжал челюсть, видя, что чёрные жилки не посветлели ни на волос, а одна нить прямо на глазах поползла выше локтевой ямки.

— Не взяло, — выдохнула девушка, глядя ему прямо в глаза. — Говори без обиняков. Что это?

— Укус дикого «низшего» вампира, — ответил он, затыкая пустой флакон. — Из тех, кого долго морили голодом, пока от разума не выжгло всё, кроме клыка. Городской лекарь тут выпишет припарку, а через трое суток закажет гроб. Мазь притормозит грязь на пару часов, не больше.

— Сколько стоит вычистить кровь? — перебила она, стискивая кулаки на верстаке. — Если возьмут платой или работой… Мы за переплётчиков весь приход в ратуше закрываем, у меня есть три серебряных, отложенных на зиму, и кобыла у дядьки…

— Нисколько у городского костоправа, — отрезал Эдвин, туго обматывая бинтом руку парня до локтя. — Не умеет он. А в уличной лавке вас ещё и запрут до прихода дознавателей. Повязка не даст крови капнуть на пол, но гниль она не остановит.

Тео поднял растерянный взгляд и дёрнулся встать, нащупывая рваную куртку.

— Может, дойти к аптекарю на угол? Мне почти не больно, только ломит. Я и тюки завтра таскать смогу… Я правда стану как та тварь?

— Не дойдёшь, и лекарь сдаст тебя ближайшему дозору, — Эдвин удержал его за плечо на табурете. — Считай от ночного боя у моста. От укуса до Перелома идёт семьдесят два часа. В первые сутки бьёт озноб и режет глаза даже от свечи. На вторые приходит ярость и звериная жажда, а к концу третьих своя кровь выгорит дотла. Если днём на кожу упадёт полоса солнца, сразу пойдёшь волдырями. Досидишь в темноте до помощи, значит уцелеешь, а сунешь нос на улицу или сорвёшь засов — сестра первой попадёт под клык.

Тео умолк и медленно убрал здоровую руку со стола. Мальчишеское упрямство с его лица сошло, уступив холодному страху.

Девушка приложила ладонь ко лбу брата, тут же отдёрнула её, обожжённая холодом, и стукнула кувшином о полку так резко, что вода выплеснулась на доски. Слёз не было. Скулы её окаменели, взгляд стал жёстким, как у артельного старшины.

— Спускайся в погреб, Тео, — сказала она твёрдо. — Там нет окон, камень сухой и два тюфяка у стены. Я принесу одеяла и свечу в жестяном фонаре. А ты ответь мне прямо, кто в городе умеет вычищать такую кровь до Перелома?

— Только высший целитель круга Эфир, — ответил Эдвин, отодвигая подсвечник. — Обычный травник с лечебным амулетом не дотянется, только запечатает кожу сверху, а чернота пойдёт глубже, к сердцу. Если в Греймарке есть хоть один мастер Эфир, его надо тащить сюда, прежде чем сгорят трое суток.

* * *

Спускаясь по приставной лестнице, Тео морщился на каждой ступеньке и держал руку на весу. Эдвин сошёл следом, ощупал свод и заглянул в изогнутую отдушину, куда на рассвете не пробьётся солнце. Подёргав скобу щеколды, он поднялся наверх и кивнул.

Сестра передала вниз овчинный тулуп и кувшин воды, опустила люк и с лязгом задвинула щеколду. Потом вытерла руки о фартук, принесла с полки медный ключ от нижней конторки и положила его рядом со свечой.

— Высший целитель в городе один, — сказала она, глядя в пол. — Мастер Бернар Моретти из дома у Нижней часовни. Только не видать нам его к утру. Он пропал три дня назад, двадцать пятого грудня. Ушёл под вечер на вызов к старому приходу и не вернулся.

Эдвин замер. Двадцать пятое грудня — та самая ночь, которой помечена обгоревшая расписка за четыре короба с Соляного Мыса, и та же ночь, когда на горных тропах Ветрогорья сгинул разведчик оборотней.

— Искали?

— Племянник бегал в караульню Среднего яруса, — с горькой усмешкой бросила она. — Десятник всё записал, а наутро заявил, что никакой бумаги не было. Старик, мол, уехал на заимку по первому снегу, пересидит метель и вернётся. Но Моретти никогда не выезжал без укладки с кристаллами, а вся она до сих пор висит на колышке у двери в передней.

Она подошла к конторке, достала ключ на бечёвке и выложила рядом обломок сургучной печати со свинцовой биркой архива.

— Я Адель Гарье. И я не простая переплётчица, — она глянула ему прямо в лицо. — Днём служу младшим реставратором печатей в Архивном Доме Вандерсов. Сургучную кустоду и выцветшую подпись за грош клеить некому, вот меня и держат. Раз уж ты выскочил из тумана с клинком, скажи начистоту, ты из Арклайта или против них?

— Против всех, кто мешает закрыть заказ до Межкружья. Зачем мне твоя служба у Вандерсов?

— Затем, что накануне ночью, двадцать шестого грудня, я задержалась в нижней мастерской дочищать клей, — Адель перешла на шёпот, хотя в доме никого больше не было. — За час до того, как наверху нашли мёртвым казначея Ансельма Дюпре, он прошёл мимо меня по лестнице, бледный как мел, сжимая под мышкой тонкую опись в тёмном переплёте. Всё оглядывался на запертые ворота двора и даже не повернул головы на мой оклик. А утром старший

писец велел мне забыть, что я видела Дюпре после заката, и впервые за два года спустил чужие ключи от нижнего шкафа, чтобы я не совалась на третий этаж без вызова.

Эдвин медленно выдохнул. Значит, казначей поднял наверх чью-то бумагу, и следом в запертую кладовую вошёл мастер с заморской выучкой и выскоблил свой след до камня. А днём раньше, двадцать пятого числа, кто-то аккуратно убрал единственного целителя, способного распознать заразу или вытащить укушенных.

За окном в колодце двора капала вода с водостока, а далеко над крышами Башня Сквозняков отбила второй час пополуночи. Первый час из семидесяти двух уже сгорел.

— В деле, ради которого меня наняли, уже сошлись шлюз под мостом, архив Вандерсов и пропажа целителя, — сказал он, застёгивая перевязь. — Тварь вылезла из канала, потому что её завезли туда в солёных коробах три дня назад. И если в архиве прячут опись, из-за которой убрали казначея, завтра она понадобится нам обоим.

— А сам ты кто, чтобы лезть против Вандерсов и Арклайта разом? — Адель вскинула подбородок. — Мне нужно знать, вернёшься ли ты завтра, или мы просто ждём смерти в погребе.

— Гильдия «Феникс» держит слово, пока жив исполнитель, — Эдвин коснулся правого запястья под манжетой, где метка хранила холод уговора. — Сорву — и она сама остановит мне сердце. Я выжгу гнездо и найду вашего целителя. К вам ещё кто-нибудь ходит, кроме заказчиков переплёта?

— Никого, — отрезала она. — Отец помер прошлой осенью, живём вдвоём. Сгинешь до рассвета и уйдёшь в туман, так я пойду в Архивный Дом одна и вытрясу правду из старшего писца.

— Не пойдёшь, — возразил он, глядя на засов погреба. — Через сутки у брата начнётся светлая лихорадка, и одна ты его не удержишь даже за двумя замками. Скрутят тебя на допросе у Вандерсов или Арклайта, и парень здесь сдохнет. Сиди дома, задвинь ставни до зари и не открывай никому, пока я не постучу трижды в крайнюю доску у окна и не назову тебя по имени.

Он подошёл к двери, накинул капюшон и оглянулся на бледное лицо Адели у верстака.

— Спи, если сможешь, — бросил он с порога. — На рассвете проверю одну бумагу за городом, а потом займусь твоим целителем. Похоже, похититель у нас один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.